

Иллюстрация: ОВД-Инфо

02.10.2024, 19:02 **Вся Россия**

СТАТЬИ

«В первую очередь ему необходима свобода, но этого я передать не смогу». Поддержка политзаключенных глазами тех, кто ее оказывает

Прямо сейчас в России более 1300 человек лишены свободы по политическим мотивам. Вокруг них складываются сообщества родных и близких, друзей и активистов, помогающие пробить тюремный вакуум. Они собирают средства на адвокатов и передачи, а еще могут достать редкое издание Библии, вызволить котенка из СИЗО, устроить под окнами изолятора салют и передать информацию о пытках общественности. Об этом всем,

**а также о выгорании и усталости
от подобной бесплатной работы — читайте
в тексте ОВД-Инфо.**

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

«ЧЕЛОВЕК НЕ ДОЛЖЕН ТЕРЯТЬ СУБЪЕКТНОСТЬ»

Лизе двадцать три года. Она живет в Санкт-Петербурге, у нее короткие светлые волосы, туннели в ушах и темные выразительные глаза. Сейчас Лиза сидит на корточках и раскладывает по пакетам продукты для передачи Паше Синельникову — больше года он находится в заключении по делу «Весны». Паша сидит в одном из самых известных российских изоляторов — СИЗО №1 «Кресты».

В мешки отправляются овощи и фрукты, пестрые упаковки лапши быстрого приготовления, хлебцы, сыр, шоколадные батончики, хлопья, зубная паста и мыло. Нужно успеть заполнить бланки и описи. Рано утром она поедет в Колпино, где находятся «Кресты». Так повторяется несколько раз в месяц.

Лиза и Паша познакомились уже после его ареста, а теперь ждут от судьи разрешения на брак — это один из немногих способов поддержать человека в заключении: навещать в СИЗО могут только юрист и близкие родственники, друзьям и партнерам разрешение на свидания не получить. Впрочем, осужденных

по политическим мотивам часто **лишают** и тех свиданий, что положены им по закону.

Павел Синельников во время заседания по делу «Весны» в Басманном суде. Москва, 4 сентября 2023 года / Фото: Евгений Куракин, SOTAvision

Задолго до всего этого Лиза подружилась с [другим фигурантом дела «Весны»] Женей Затеевым и его женой Линой. Лиза до сих пор ворчит, вспоминая, как беспечно друг реагировал на предостережения товарищей о возможном аресте и не уехал из страны. Теперь Женя, как и Паша, тоже сидит в петербургских «Крестах».

«Понимаешь, мы ему весь год говорили: „Жека, тебе надо уехать. Ты же сядешь!“», — возмущается Лиза.

За год до ареста у Затеева уже был запрет определенных действий: ему нельзя было выходить из дома по ночам, пользоваться интернетом, посещать собрания и общаться с соратниками. Все это время друзья умоляли его уехать. Он отказывался наотрез.

«Мы все потихонечку готовились — все, кроме Жеки. Он был уверен, что все будет нормально! — горячится Лиза. — Возможно, надеялся на условку, но мы прекрасно

понимали, что ее не будет. У Лины постоянно спрашивал: „Зачем ты читаешь книжки про тюрьму? Зачем ты все это изучаешь?“ — Блин, Жека, как бы тебе попроще сказать?! Все эти знания и пригодились, потому что в итоге он сел».

Женя не хотел бросать бабушку, с которой они были очень близки. Наталия Вениаминовна умерла в январе этого года, когда внук уже был в СИЗО. Мама Жени умерла 22 мая от сердечной недостаточности. Ей было 53 года.

Затеева и Синельникова вместе с другими фигурантами дела «Весны» задержали шестого июня прошлого года.

«У всех фигурантов были друзья, которые стали их группами поддержки, а у Ани Архиповой и Паши никого не было, потому что она из Новосибирска, а он — из Барнаула, — объясняет Лиза. — Аню взяла под крыло наша московская подруга, а я — Пашу. Посты, позиционирование, как представлять их в интернете, — все действия по кампании поддержки мы с ними согласовываем. Человек не должен терять субъектность, находясь в заключении».

Анна Архипова после заседания по делу «Весны» в Басманном суде.
Москва, 4 сентября 2023 года / Фото: Евгений Куракин, SOTAvision

«РАБОТАТЬ, ЧТОБЫ НЕ ПОТЕРЯТЬ БЛИЗОСТЬ»

«По факту ты можешь откреститься от всего этого, сказать, что просто не будешь этим заниматься, — говорит Лиза. — Передо мной такого выбора не стояло: мы целый год готовились, что Женя может сесть, и в итоге это случилось. У меня не было опции бросить его, я знала, что буду помогать. В итоге появился и Паша, которому нужна поддержка, и я взяла это на себя».

Все герои и героини этого материала — те, кто уже помогал политзаключенным, и те, для кого арест близкого стал первым опытом взаимодействия с пенитенциарной системой, — сходятся в одном: вариант «откреститься» они не рассматривали. Поддержка друга или родственника стала для них тяжелой, но неотъемлемой частью жизни, а для кого-то, как для Саши Поповой, это теперь «самая главная ее часть». Саша — жена Артема Камардина, который находится в заключении уже два года.

Александра Попова во время оглашения 7-летнего приговора Артему Камардину в Тверском суде Москвы, 28 декабря 2023 года. Александру **выволокли** из зала суда после того, как она крикнула «Позор!» и позднее **задержали** у здания суда вместе с другими собравшимися и журналистами / Фото: SOTAvision

«Ты все время думаешь, как он себя чувствует, что с ним происходит, думаешь о его питании и здоровье, о проблемах, которые он не может решить, — рассказывает она. — Я делаю так, чтобы у него было все необходимое. Конечно, в первую очередь ему необходима свобода, но этого я ему дать не смогу и передать ФСИН-посылкой тоже. Я могу выразить свою любовь, продолжая бороться за него».

О том же говорит и Соня (имя изменено по просьбе героини), бывшая одноклассница и давняя подруга Димы Иванова, программиста и создателя телеграм-канала «Протестный МГУ»:

«Если смириться и забыть [о человеке, который сидит в тюрьме], никакого близкого общения спустя годы уже не будет. Как и над любыми отношениями, над ними нужно работать, чтобы не потерять близость из-за расстояния и невозможности быть рядом».

В марте 2023 года Тимирязевский суд Москвы приговорил Диму к восьми с половиной годам лишения свободы за «распространение фейков» о российской армии (ст. 207.3 УК).

Дмитрий Иванов с адвокатом Марией Эйсмонт в Тимирязевском районном суде Москвы, 18 января 2023 года. На Дмитрие — толстовка в поддержку фигурантов «Тюменского дела» / Фото: Антонина Фаворская, SOTAvision

«...из-за специфики самого дела еще до приговора я успел достаточно попутешествовать: в 2022-м я побывал в шести московских изоляторах и сменил полтора десятка камер, жизнь в которых довольно сильно отличалась», — **писал** он о своем заключении.

Чтобы порадовать товарища, пока он ждал приговора в СИЗО, команда поддержки решила запускать салюты в его честь: на день рождения и годовщину заведения уголовного дела — в заключении такие даты принято отмечать. Основная сложность заключалась в том, чтобы Дима увидел фейерверк.

«Обычно мы заказывали торт или какое-то мясо, чтобы в камере все могли отпраздновать, — рассказывает Соня. — После пиршества начинался салют!»

СИЗО № 5 «Водник» — тусклое непримечательное здание с четырьмя этажами одинаковых прямоугольников стекол. Команде поддержки нужно было знать наверняка, куда выходят окна Диминой камеры, но такую информацию нельзя просто написать в письме — она не пройдет цензуру ФСИН. Тогда друзья придумали замысловатые рассказы-шифры. Например, Дима как бы невзначай писал: «...каждое утро в моей камере восходит солнце» — так они понимали, что его окна выходят на восток.

Мало узнать, где нужная сторона, — необходимо найти место, откуда запускать салют безопаснее всего, чтобы не попасть в окна ближайшего дома. Это было сложно, потому что вокруг «Водника» нет пустырей, но много промзон, где ничего запускать нельзя.

Поздравительная открытка Дмитрию Иванову во время организованного группой поддержки дня рождения Дмитрия в «Открытом пространстве», 6 августа 2023 года / Фото: SOTAvision

«Этот салют — такая поддержка извне, — говорит Соня. — Мала вероятность, что письмо дойдет ровно в день рождения или в нужную дату. А здесь — общение вне системы заключения. Это то, что ты видишь из окна, оно происходит здесь и сейчас и только ради тебя. Когда человек в тюрьме, все замедленное и вялотекущее, активных эмоций в моменте очень мало».

«ИХ НАЗЫВАЛИ РАДИКАЛАМИ И ТЕРРОРИСТАМИ»

Некоторые участники и участницы групп поддержки с нуля учатся вести информационные кампании в защиту своих близких и отбиваться от публикаций в провластных или связанных с силовиками телеграм-каналах. У друзей фигурантов.

«Когда ребят задержали, мы были в ужасе, — говорит Инна (имя изменено по просьбе героини) из команды поддержки фигурантов „Тюменского дела“. — Это было настоящим шоком для родных и друзей, для самих фигурантов. У них были планы на будущее, никто не был готов и даже не предполагал, что такое случится».

В первые дни после ареста, по словам Инны, они «растерялись и не понимали, что делать». Пока приходили в себя, стали появляться материалы, где анонимный источник сообщал, что [фигурант дела] Юрий Незнамов, один из фигурантов дела, «собирал группировки нацистов».

Фигуранты «Тюменского дела» Юрий Незнамов, Данил Чертыков, Никита Олейник и Дениз Айдын в Центральном окружном военном суде Екатеринбурга, 30 сентября 2024 года / Фото: телеграм-канал «Тюменское дело»

«Их называли радикалами и террористами, которых нужно посадить, — вспоминает Инна. — Мы поняли, что нужно эту информацию опровергать, иначе она заполонит все медийное пространство. Нужно срочно сообщить о пытках, рассказать, что наши друзья невиновны, чтобы люди не велись на информацию от силовиков и подконтрольных им каналов».

У региональной истории первое время не было такого резонанса, как у дел «Сети» или «Нового величия». Сначала друзьям было неясно, к кому обращаться за помощью. Собралась большая команда, но в организованном чате многие только паниковали. Помог совет знакомых правозащитников, которые вступили в чат и предложили план действий — как собирать деньги, как распространять информацию, куда писать и с кем связываться.

«ЖЕНЯ, ТЫ ДЕБИЛ?!»

«Ты сейчас обалдеешь! — смеется Лиза, подруга Затеева. — Женя просил достать ему поручительство от Папы Римского! Еще находясь под запретом определенных действий, он ударился в католичество — это его поддерживает до сих пор. Тогда у нас была совместная группа поддержки с [еще одним фигурантом дела „Весны“] Валентином Хорошениным, он тоже католик, как и его невеста, которая должна была этим заниматься, но так ничего и не произошло».

В самом начале вторжения в Украину в одной питерской кирхе **проходили** антивоенные мессы. Женя ходил туда вместе с Линой и начал интересоваться религией, а когда оказался за решеткой, просил друзей передать ему католическую Библию.

«Мы говорим: „Женя, ты дебил, что ли? Ты же ее при первом этапе потеряешь! — вспоминает Лиза. — Кто-нибудь ее у тебя порвет на туалетную бумагу!“ А эта Библия огромная и стоила четыре тыщи. Он отвечал: „Нет, мне надо“. Ну, надо, значит, надо. Когда мы первую передачу ее пытались отправить, ее, конечно же, не приняли. Недавно отправляли повторно, и она, наконец, доехала до него».

Обновленные Минюстом **правила** внутреннего распорядка в тюрьмах дают возможность пользоваться ридерами и бумажными книгами для самообразования. На практике заключенных могут за это наказывать. Например, в 2022 году подозреваемый, находившийся в СИЗО, заказал себе через почту литературу по философии и получил бандероль с книгой «Когнитивная герменевтика». Администрация сочла это нарушением режима — мужчину **отправили** в карцер на 15 суток.

Чтобы литература политзаключенному в СИЗО дошла наверняка, приходится выдумывать разные способы.

«Это была целая эпопея! — рассказывает Лидия, подруга Всеволода Королева. — Сева — философ по образованию, интелле~~кту~~ал — по натуре, без книг он не может жить. В его квартире зашкаливает количество книжных шкафов, там можно найти литературу самых разных сфер гуманитарного знания. Конечно, ему непривычно, что доступ к этому знанию ограничен».

Открытки на творческом вечере в поддержку Всеволода Королева в Санкт-Петербурге, 29 октября 2022 года / Фото: SOTAvision

Друзья Севы быстро выяснили, что книги в передачах недопустимы. Если отправлять их посылкой, предприятие теоретически могло увенчаться успехом, но у этого не было никаких гарантий. Тогда они решили передавать распечатки книг в письмах:

«Мы находили книгу, которую он попросит, в электронном варианте, распечатывали ее — часто таким образом книга

стоит в несколько раз дороже — и распределяли по конвертам. В каждом конверте может находиться до двадцати листов, иначе могут не принять. В чате мы договариваемся, кто с какой и по какую страницу распечатывает. Часто сами подписчики и подписчицы [телеграм-канала помощи Всеволоду] брали на себя все расходы, иногда я переводила им какую-то сумму».

Один раз, рассказывает Лида, произошел курьез. Сева попросил распечатать ему две книги Алексея Карпова из серии ЖЗЛ про деятелей Древней Руси — Владимира Святого и Ярослава Мудрого. Девушка бросила клич в канале, откликнулась одна из участниц. Текст распечатали и отправили, но книги к Севе так и не попали — возможно, потому что посвящены Киевской Руси.

«То есть мы несколько тысяч рублей потратили впустую — сумму, в несколько раз превышающую стоимость физической книги, — чтобы эти бумажки лежали, пылились и сырели в каком-то сизошном помещении», — вздыхает Лида.

«БЛЯДСКАЯ РАБОТА». ВЫГОРАНИЕ И УСТАЛОСТЬ

«Когда первый ажиотаж прошел, люди подувяли, стало меньше активного участия в жизни Димы. Тогда стало ясно, что если лично я ничего не сделаю, то никто ничего не сделает», — говорит Соня, подруга Димы Иванова.

Практически все участники и участницы групп поддержки политзаключенных сходятся во мнении: на первых порах есть много инициативных людей, которые готовы помогать, но спустя несколько месяцев большая часть выключается из этого процесса. Люди перегорают и уходят, рядом остаются самые преданные — родители и супруги, братья и сестры, ближайшие друзья.

«Самое обидное, когда люди [из группы поддержки] начинают проебываться и отваливаются — это бесконечно злит и выматывает, — объясняет Лиза. — В какой-то момент ты забиваешь и начинаешь все делать сама. Это блядская работа 24/7 все 12 месяцев в году за бесплатно. То есть буквально полноценная работа, от которой ты не можешь оторваться, у тебя нет ни выходных, ни отпуска: ты постоянно на связи с адвокатом и заключенным, узнаешь, доходят ли до него письма, посылки с продуктами, одеждой и сигаретами, регулярно пополняешь счет во ФСИН-магазине, собираешь передачи».

«Первый раз я впала в депрессию, когда дали срок [14 лет лишения свободы] Владлену Меньшикову, — рассказывает Людмила Алексеевна (имя изменено по просьбе героини), гражданская активистка из крупного российского города. — Не представляю, как его мама и его адвокат Валентина Владимировна из этого выкарабкались — я не могла с ними говорить».

Владлен Меньшиков / Фото: соцсети Владлена Меньшикова

Людмиле Алексеевне 68 лет. Она много лет занимается гражданским активизмом, была участницей «Стратегии-6» — ежемесячных акций в поддержку политических заключенных. Сейчас она одна из немногих в своем городе, кто регулярно посещает заседания судов, в том числе по тем политическим делам, которые так и не стали резонансными.

Людмила Алексеевна регулярно собирает и относит передачи нескольким заключенным в СИЗО родного города. Говорит, выбрала изолятор на окраине, до которого удобнее добираться. Тем, кто сидит далеко, отправляет посылки, шлет письма и остается на связи с близкими некоторых из тех, кого поддерживает.

«Мы же не можем бросить арестантов, — объясняет она. — Недавно мама Дениза [Айдына, фигуранта „Тюменского дела“] попросила меня встретить его бабушку с поезда и довести до отеля. Как ни странно, это был второй удар для меня. Поезд пришел около шести утра, а я с трех на ногах — собраться, доехать, найти, узнать, куда прибывает. В общем, все нашла. Все пассажиры вышли, а ее нет! Я — к проводнице, она посмотрела — нет! Как так?! Оказалось, ночью бабуля легла не на то место и спит.

Да еще и телефон у нее перестал работать, я ей не смогла в поезде позвонить, а она не могла с дочерью связаться. В общем, вышли на привокзальную площадь, вызвала я такси, доехали до отеля, а он с одиннадцати работает! Ни табличек, ни опознавательных знаков, железные двери в подъезды запреты. Позвонила маме Дениза и оказалось, что нужно в чужом городе ранним утром бросить бабушку, когда процесс у внука только в два часа дня. Вот у меня шок был!»

Родственники Людмилу Алексеевну в ее гражданской активности не поддерживают. История с бабушкой Дениза Айдына женщину сильно подкосила. Она два дня не выходила из дома и почти все время спала.

«Просто руки опустились, — вспоминает. — Я ничего не хотела делать, никуда ходить, ездить на вечера писем политзаключенным и на суды. Но так долго не получается: отцу 94 года, к нему нужно ходить утром и вечером, готовить, прибирать. Даже если сама есть не хочу — это не касается остальных. В общем, потихоньку дела делать надо. Для меня поддержка политзаключенных — это поддержка близких людей. Зачастую их увозят далеко, и родные не могут им помогать. Некогда свои нервы лечить, сами восстановятся».

«ЗАКЛЮЧЕНИЕ — ЭТО ДОРОГО»

«Если опустить руки, этот беспредел заполнит собой все вокруг, — уверена Инна, подруга фигурантов „Тюменского дела“. — Когда о деле говорят, называют фамилии оперов, причастных к пыткам, — это хорошее средство против бесправия в СИЗО и колониях, особенно на этапе следствия, когда всем нужны признательные показания. Огласка работает».

По словам Сони, подруги Димы Иванова, общественный резонанс вокруг дела влияет и на материальную поддержку, потому что содержание политзека — это большие затраты.

«Заклучение — это дорого, — подтверждает Саша Попова. — Для нормального содержания человека в СИЗО нужно около 40 000 рублей в месяц — еда, сигареты, предметы первой необходимости. Это и общак, потому что часто нужно покупать еду не только на своего заключенного, но и на других сокамерников. Артем как-то сидел несколько месяцев на спецблоке в компании людей, которым не передавали еду. Там любая еда, которая попадала в камеру, делилась на четыре равные части, и чтобы Артем питался, а не дышал едой, мы передавали ее на всех».

Состав заказа 1099383			
1. Мешки д/мусора 30л 20 шт HDPE / Антелла	1 ед.	0.050 кг.	32 руб.
2. Конфеты Золотой Степ 192 г / Славянка	1 ед.	0.192 кг.	142 руб.
3. Миндаль золотой жареный Nik Nut 130 г	1 ед.	0.130 кг.	328 руб.
4. Вода Горная Вершина питьевая без газа 1,5 л.	5 ед.	7.500 кг.	332.5 руб.
5. Конфеты Мишка Косолапый 200 г / Красный Октябрь	1 ед.	0.205 кг.	258.9 руб.
6. Печенье Овсяное Классическое на сливочном масле 250 г / КП Полет.	1 ед.	0.250 кг.	153 руб.
7. Суп-шоре Роллтон Гороховый с сухариками 21 г	5 ед.	0.105 кг.	145 руб.
8. Крем-суп Роллтон с лесными грибами и сухариками 21 г	5 ед.	0.105 кг.	145 руб.
9. Напиток газированный ГОСТ Дюшес 1.5 л/ ООО ПК Лидер	1 ед.	1.500 кг.	59.9 руб.
10. Напиток газированный ГОСТ Кола 1.5 л/ ООО ПК Лидер	1 ед.	1.500 кг.	59.9 руб.
11. Майонез МАХЕЕВЪ Провансаль 400 мл.	1 ед.	0.395 кг.	129.9 руб.
12. Ручка шариковая	5 ед.	0.030 кг.	75 руб.
13. Чай Кертис Fantasy Peach 25 пак	1 ед.	0.078 кг.	139 руб.
14. Полотенца бумажные JOY ECO 2-х слойные 2 шт.	1 ед.	0.250 кг.	89.5 руб.
15. Губки д/посуды Профильные 2 шт / Netto Du	1 ед.	0.090 кг.	52 руб.
16. Салфетки Универсальные Вискоза 3 шт	1 ед.	0.050 кг.	59 руб.
17. Салфетка (тряпка) для пола Вискоза 50*60	3 ед.	0.270 кг.	150 руб.
18. Сигареты с фильтром Davidoff Reach Silver 157.00 р.	10 ед.	0.150 кг.	1570 руб.
19. Сливки Кампина 10% порционные, без змж, 10x10г	1 ед.	0.100 кг.	62.4 руб.
20. Вермишель Роллтон с Говядиной на Домашнем Бульоне 60 г	5 ед.	0.300 кг.	133.5 руб.
21. Вермишель Роллтон с Курицей на Домашнем Бульоне 60 г	5 ед.	0.300 кг.	133.5 руб.
22. СПИЧКИ 1уп./10 шт.	1 ед.	0.075 кг.	30.9 руб.
23. Крылышки куриные 1000 грамм (доставка 20.09.2023)	1 ед.	1.000 кг.	980 руб.
24. Ассорти свежей зелени (укроп, петрушка, лук) 100 грамм (доставка 20.09.2023)	1 ед.	0.100 кг.	91 руб.
25. Сырок творожный глазированный вишня с печеньем 40 г / Сыркофф (доставка 20.09.2023)	4 ед.	0.160 кг.	76.8 руб.
26. Сыр Danke Костромской Традиционный 45% БЗМЖ, 180 г (доставка 20.09.2023)	1 ед.	0.180 кг.	215 руб.
27. Йогурт Кампина Нежный с соком Клубники Лёгкий 0.1% 4x95 г (доставка 20.09.2023)	1 ед.	0.380 кг.	90.7 руб.
28. Яблоки красные 1 кг / доставка 3дн. (доставка 20.09.2023)	1 ед.	1.000 кг.	180 руб.
29. Пицца Маргарита-Итальяно, вес 550 г (доставка 22.09.2023)	1 ед.	0.550 кг.	535 руб.
30. Помидоры Черри 250 г (доставка 22.09.2023)	1 ед.	0.250 кг.	119 руб.
31. Огурцы короткоплодные Новиков 300 г (доставка 22.09.2023)	1 ед.	0.300 кг.	152 руб.
32. Салат листовой в горшке 1 шт (доставка 22.09.2023)	1 ед.	0.130 кг.	86 руб.

Состав передачи фигуранту «Маяковского дела» Егору Штовбе в СИЗО-2 «Бутырка», сентябрь 2023 года / Скриншот: телеграм канал «Маяковское дело»

Есть ФСИН-магазины, где заключенные, если у них есть деньги на лицевом счете, могут заказать себе ограниченный набор продуктов. Но чаще всего доступные позиции — это чай, кофе и сигареты. Иногда приходится ждать неделями, чтобы люди сами смогли это себе заказать.

Например, **хакерские атаки** после убийства Алексея Навального положили сайт ФСИН-магазина на несколько недель. У тех, кто сидит в Москве, возможностей больше: там получается заказать на определенные даты готовую пищу.

Отдельная строка расходов — юридическая помощь. Часто прибавляются траты на поездки адвокатов в другие города — на суды и к фигурантам.

«Суммы просто космические, — говорит Инна. — У нас четыре фигуранта, а изначально было шесть, и каждому нужен хороший адвокат, которому нужно оплатить командировки в Тюмень. Также ребят нужно снабдить всем необходимым в СИЗО. Только в первый месяц мы потратили около миллиона на шестерых.

Сейчас начались суды по существу, и снова остро встал вопрос денег: защитникам нужно оплатить участие в заседаниях плюс командировочные. Без учета больших выплат нужно в среднем триста тысяч рублей, плюс ежемесячные выплаты за суды — с их учетом уходит около 700 тысяч в месяц на всех фигурантов».

КОТЫ И «ЖЕНЫ ПОД ПРИКРЫТИЕМ»

Со временем к жизни по новым правилам по-своему адаптируются и заключенные, и их близкие. Чтобы держать связь с товарищами и родными, участникам групп поддержки приходится идти на хитрость. Инна рассказывает, как женам двух фигурантов «Тюменского дела» удалось получить аккредитацию одного издания, и они целый год ездили на суды от лица этого медиа — брали интервью у ребят, снимали их, задавали вопросы.

«Следователь жутко бесится от одного их вида и присутствия на судах, — говорит Инна. — Он хотел, чтобы ребят тихо и быстренько посадили. На суде он пристально наблюдал за ними, но ничего не мог сделать, потому что были все соответствующие разрешения, судья был в курсе их присутствия и даже сам одобрил его. При этом никто не знал, что они — жены. Следователь звал их на допросы как свидетельниц, но они не ходили».

Только через год он узнал, что девушки и есть те самые жены, которых он звал на допрос. На одном из заседаний судья пристально изучил их паспорта и аккредитации и,

вероятно, сопоставил с материалами дела, в которых есть фамилии близких. Тогда он спросил, кем они приходится фигурантам.

Девушки честно признались, но уточнили, что присутствуют на суде не как родственницы, а осуществляют свою профессиональную деятельность — исключительно в рамках закона. По словам Инны, следователь изумленно развернулся и воскликнул: «Так это все время были вы?!»

В тюремной изоляции у людей появляются ритуалы, которые помогают поддерживать ощущение нормальной жизни. На территории СИЗО иногда обитают коты, которых некоторые заключенные забирают себе прямо в камеры — люди к ним привыкают, шутят, что кот — тоже арестант, только с пожизненным сроком. Но когда заключенный после вынесения приговора отправляется на этап, куда животных брать нельзя, расставаться с другом зачастую тяжело.

На воле Пашу Крисевича ждут жена Лена и кошка Муся, которая жила с ним в камере, а теперь — вышла на свободу благодаря его группе поддержки. Паша **писал** про Мусю, что та «родилась в тюрьме и по-кошачьи эту тюрьму вокруг отрицала», рассказывал, как ей полюбились шарики от четок, которые она гоняет по полу, «кусает сокамерников за вытянутые ноги и однажды попыталась достать у соседа по шконке берушу из уха».

«Паша очень давно хотел завести котенка, он говорил, что если его не отпустят при повторном рассмотрении дела Тверским судом, то он заведет котонессу, — рассказывает Лена. — Но кошечка у них в камере появилась даже раньше. У Паши был знакомый из другой камеры с котенком Мусей, он часто рассказывал о ней, когда они пересекались на сборах. В один день случилось чудо: знакомого с Мусей заселили в камеру к Паше. Через какое-то время его отправили на этап, и забота о котенке

полностью легла на Пашу. Он говорил, что Муся почти разучилась ходить, потому что все носили ее на руках».

18 октября 2022 года Тверской суд Москвы приговорил Крисевича к пяти годам колонии за инсценировку самоубийства на Красной площади. Его могли забрать на этап в любой момент, к тому же Муся росла, а в тюрьме сложилась практика, что всех подросших кошек выселяют из камеры в коридор. Друзья Паши и он сам переживали, что заботиться о Мусе станет некому, а ее будущее в коридоре пугало своей неопределенностью. Паша писал о Мусе почти в каждом письме и очень привязался к ней. Лена и сама прониклась нежностью к котенку, и однажды группа поддержки решили тайком вынести Мусю из тюрьмы.

«К сожалению, не могу рассказать подробности этого дела, — говорит Лена. — Скажу только, что добрые и человеческие люди есть везде. У меня есть первая фотография Муси на свободе, где она у меня на руках смотрит вокруг ошалевшими глазами. Мы шутим с Пашей, что, когда он выйдет, тоже будет смотреть на все глазами как у Муси».

После того как Муся освободилась, Паша писал, что камера опустела без нее, и очень скучал по ней. Через пару недель он написал Лене, что сшил плюшевую Мусю и подарил ей игрушку к Новому году. Настоящая Муся живет у подруги Лены и, по словам девушки, все они очень ждут момента, когда Паша тоже освободится и сможет ее навестить.

Елена, жена Павла Крисевича, с кошкой Мусей; игрушечная Муся, сшитая Павлом Крисевичем / Фото из личного архива Елены

Поддерживают арестантов в заключении и собственные ритуалы, и даже готовка. Саша Скочиленко рассказывала друзьям про кулинарные рецепты из СИЗО и называла это «Поваренная книга пацифиста». На дни рождения товарищи передавали ей коржи — торт с безглютеновым кремом в СИЗО не передать, а коржи — можно. Крем заключенные делали сами из подручных средств: жидкая карамель, сгущенка, разные джемы.

«Например, они готовят горячие бутерброды, — делится Леша, друг Саши (мы говорили с ним до освобождения Саши из СИЗО — *ОВД-Инфо*). — Из всех нагревательных приборов в камере есть только чайник и кипяtilьник. Иногда хочется сделать себе горячий бутерброд с безглютеновым хлебом, сыром и помидорами.

Как это делают в СИЗО: берется тазик или другая металлическая емкость для воды, вода нагревается кипяtilьником, а бутерброд заворачивают в полиэтиленовый пакет, потом — в другой и эту штуку опускают в кипящую воду. Таким образом он нагревается и не размокает. На языке высокой французской кухни эта

техника называется су-вид. Можно встретить такое в мишленовском ресторане, а можно — в СИЗО № 5».

* * *

Сейчас Лиза готовит мерч в поддержку Паши Синельникова, в поддержку Жени Затеева уже продается. Она говорит, что поддержкой политзеков закрывает свою потребность в нужности для окружающих. До 24 февраля 2024 года она мало интересовалась политикой, в семье обсуждать актуальные события было не принято, а с началом войны Лиза начала ходить на митинги — на одной из первых антивоенных акций их задержали вместе с Линой, женой Затеева.

Евгений Затеев в футболке, выпущенной в его поддержку / Фото: телеграм-канал «Женя, достал, выходи!»

Сейчас Лиза считает, что поддержка политзаключенных — это возможность высказываться внутри России, когда это практически невозможно сделать.

В конце нашего разговора она упоминает, что у тех, кто, как и Женя Затеев, признал вину, намного меньше

поддержки. «Но признание вины — это вовсе не значит, что человек сдает всех и идет на сделку со следствием. Таких людей надо поддерживать. Это важно».

Марина-Майя Говзман

Каждому политзаключенному, которого мы упоминали в этом материале, можно помочь:

«Маяковское дело»

Дмитрий Иванов

Павел Крисевич

«Тюменское дело»

Евгений Затеев

Павел Синельников

Анна Архипова

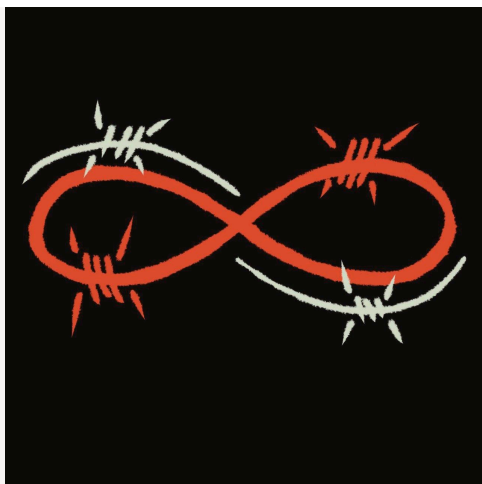
Всеволод Королев

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

«Тюменское дело»

Антифашистов из Тюмени, Сургута и Екатеринбурга преследуют по статье о террористическом сообществе. Все фигуранты дела рассказали о пытках.

1 47

Дело о «Маяковских чтениях»

1 34

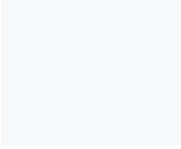
Движение «Весна»

5 184

Суды и передачи: как устроена работа Нижегородского Политического Красного Креста

Координаторы Нижегородского Политического Красного Креста рассказывают о том, как устроена их работа, как они помогают

политическим заключенным и почему делать передачи
в спецприемники — это важно.

